

УДК 321:316.343.652 (470.621)

Е-60

Емтыль Зарема Январбиевна

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета

adg1070@gmail.com

**Практика привлечения адыгской интеллигенции
на сторону советской власти в 20-е гг. XX в.: трудности и противоречия**

Аннотация:

В статье рассматривается практика привлечения адыгской интеллигенции к социалистическому строительству в 20-е гг. XX в. Выявляются ее особенности, трудности, противоречия и динамика развития под влиянием менявшейся общественно-политической и социокультурной обстановки как в Советской государстве в целом, так и в адыгских национальных автономиях.

Ключевые слова: национальная интеллигенция, новое (прогрессивное) духовенство, старое (консервативное) духовенство, партийная чистка.

Annotation.

Установление советской власти на Северном Кавказе делало для новых властей актуальной задачу органичного вписания национальных районов в советское политическое пространство, что обусловило необходимость широкого привлечения немногочисленных кадров старой национальной интеллигенции к работе во всех государственных структурах. Оно должно было символизировать близость советской власти интересам народов коренных национальностей, и, что не менее важно, обеспечить успешную коммуникацию с инокультурной национальной средой.

Реализуя утвержденные на VIII и X съездах РКП(б) установки, Пленум Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) в своем постановлении отмечал, что текущий момент выдвигает перед местными организациями серьезный вопрос о наилучшем использовании в общественной работе «ценных для нас интеллигентских сил»[1, л. 25]. Местным советским и партийным органам рекомендовалось окружить национальную интеллигенцию «атмосферой товарищеского доверия и раз и навсегда устранить нередко встречавшийся ранее в отношении местной интеллигенции тон пренебрежения и недоброжелательства»[1, л. 25].

Значительная часть адыгской интеллигенции стала на путь сотрудничества с новой властью. Данный выбор, как правило, обуславливался не тем, что интеллигенция разделяла социально-политическую доктрину большевиков. Более того, многие из представителей адыгской интеллигенции, оказавших поддержку новой власти, были весьма далеки от классовой доктрины, которую им пришлось реализовывать. Их активному вовлечению в социалистическое строительство способствовала совокупность самых разных мотивов.

Центральным вопросом общественной жизни адыгской интеллигенции с начала революционных событий в России стал национальный вопрос. Широкая пропаганда большевиками среди горцев положений «Декларации прав народов России», «Обращения СНК к трудящимся мусульманам России и Востока» дала свои положительные результаты. Многие представители адыгской интеллигенции считали, что их реализация создаст условия не только для ликвидации национального гнета и сохранения национальной, культурной самобытности адыгского

народа, но и его самоопределения. В этом смысле непосредственное участие в организации работы новых органов власти, культурно-просветительских учреждений, по мнению интеллигенции, создавало возможность влиять на общественно-политические и социокультурные преобразования. Не последнюю роль сыграла взвешенная оценка ситуации и стремление социально адаптироваться к новым общественно-политическим условиям.

Зачастую за активным сотрудничеством национальной интеллигенции с новой властью стояло ее стремление к занятию ответственных должностей и, таким образом, к повышению своего социального статуса. Это стремление нерусской интеллигенции, пришедшей в революцию, отметил М. Султан-Галиев. В упрощенной форме логика выбора нерусской интеллигенции в целом была представлена им следующим образом: «Ради того, чтобы быть у власти, можно идти на все, вплоть до того, чтобы в этой власти совсем не иметь власти» [2, с. 439].

Важно отметить, что адыгская национальная интеллигенция к моменту установления советской власти на Северном Кавказе была представлена двумя условными группами – светской и мусульманской духовной. Последняя была самой многочисленной, влиятельной и, с точки зрения советской исторической науки, консервативной группой интеллигенции. Политика новой власти в ее отношении характеризовалась большой осмотрительностью, осторожностью и принципиальным образом отличалась от политики в отношении православного духовенства и православной церкви в целом, сросшихся с государственной властью в Российской империи.

Исходя из особенностей развития национальных окраин, сильного влияния религии и мусульманского духовенства на массы, советской власти приходилось искать новые, более мягкие формы антирелигиозной пропаганды. Прямая установка к этому содержалась в резолюции XII съезда РКП(б) «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» в которой указывалось: «Принимая во внимание, что 30-миллионное мусульманское население Союза Республик до сих пор почти в неприкосновенности сохранило многочисленные связанные с религией средневековые предрассудки... необходимо выработать формы и методы ликвидации этих предрассудков, учитывая особенности различных национальностей» [3, с. 174].

Хотя мусульманское духовенство и религиозные сообщества находились под бдительным контролем органов ГПУ, власти рекомендовали последним крайне осторожно осуществлять свою деятельность, чтобы не вызвать массовое недовольство населения [4, л. 3]. Искать в лице мусульманской интеллигенции союзника большевиков заставило и специфическое отношение к ней адыгского народа. В силу исторических обстоятельств духовенство на Северном Кавказе воспринималось не только как религиозно-нравственная, интеллектуальная элита, но и как оплот сохранения национально-культурной самобытности и целостности. Отвернуть от себя горскую мусульманскую интеллигенцию для советской власти значило отвернуть от себя народные массы. Этот факт достаточно красноречиво подтверждается словами председателя Адыгейского облисполкома Ш. У. Хакурате: «В 1921–1922 гг. мы не могли влиять на выборы в черкесских аулах и ориентировались исключительно на мулл и стариков, и только через них строили Советскую власть в Адыгее [5, с. 67]. Именно поэтому на первых порах адыгейский облисполком, не имея авторитета на местах, «решил действовать посредством прогрессивных эфендиев в области укрепления административных аппаратов власти» [6, л. 2,3].

В результате Адыгейский облисполком выступил инициатором встречи с прогрессивными эфенди. На совместной встрече была достигнута договоренность о созыве областного съезда мусульманского духовенства и верующих. Съезд прошел в ауле Хатукай в конце сентября 1922 г. Он поддержал линию на

укрепление советской власти на местах и искоренение агитации против нее [6, л. 2]. Всего за период с сентября 1922 г по декабрь 1925 г было проведено четыре съезда мусульманского духовенства.

Проявлением лояльности советской власти к мусульманской интеллигенции стало предоставление права преподавания ислама на дому и в мечетях. Сохранилось влияние мусульманского духовенства и в правовой сфере. В адыгских автономиях в порядке исключения продолжали функционировать шариатские и адатские суды, хотя их правовой статус так и не был определен.

Определенную роль в лояльности властей к местному духовенству в первые годы существования национальных автономий сыграл и тот факт, что среди образованных слоев адыгского общества было абсолютное преобладание мусульманского духовенства. Реализовать кадровую политику большевиков на Северном Кавказе, которая заключалась в коренизации управления и образования без участия мусульманского духовенства, не представлялось возможным. В частности на первом совещании коммунистических и комсомольских ячеек Кабардино-Балкарской автономной области в июне 1922 г. докладчики говорили о том, что 80% комячеек имеют в своем составе мулл [7, л. 2–3].

Говоря о политике советской власти в отношении адыгского духовенства, следует отметить, что с начала XX в. оно было представлено «двумя группами, различно понимающими и толкующими учение Коран» – старым консервативным духовенством и новым прогрессивным. Новая власть сделала ставку на прогрессивное мусульманское духовенство, которому была оказана поддержка в его борьбе со старым духовенством. Однако сотрудничество с прогрессистами советская власть использовала, в конечном счете, для ликвидации с общественной арены горцев обеих групп. Известный работник агитпрома ЦК ВКП(б) И. Хансуваров так, в частности, сформулировал линию поведения советской власти в отношении мусульманского духовенства: «Если хочешь победить врагов, надо заставить его драться между собой. Надо бить обоих, и в то же время заставить их драться между собой. Надо вести прогрессивное духовенство против реакционного, вызывать между ними драку. Это совершенно необходимо» [8, л. 33].

Таким образом, большевики не делали принципиальной разницы между старым и новым духовенством. Стремясь уничтожить адыгское духовенство, власть на первых порах лишь опиралась на его прогрессивную часть с тем, чтобы усилить раскол в его среде.

Поворот в отношении к мусульманскому духовенству был связан с рядом факторов внутривластного характера. Во второй половине 20-х гг. происходит постепенное укрепление советских органов власти в адыгских национальных автономиях. Укрепление режима личной власти И. В. Сталина привело к форсированному строительству социализма и как следствие к принципиальным изменениям в конфессиональной политике. Сворачивание новой экономической политики и курс на массовую коллективизацию не позволяли жителям аулов финансово поддерживать исламские структуры.

В результате от толерантного отношения к прогрессивному мусульманскому духовенству советские власти начинают наступление на религиозных деятелей по всему фронту. Все громче начинают звучать призывы «отбросить нейтральную тактику в вопросах религии на Востоке» [9, с. 69]. В июне 1927 г. Пленум национальной комиссии Северокавказского крайкома партии рассмотрел вопрос «О мерах борьбы с влиянием мусульманского духовенства на трудящиеся массы горских народностей». В резолюции пленума говорилось, что массовая антирелигиозная работа должна строиться с использованием «фактов активной борьбы духовенства в прошлом против трудящихся на стороне царя и помещиков, фактов защиты мечетью интересов кулачества в настоящее время, фактов по-

вседневной эксплуатации и закрепощением духовенством масс» [10, с. 160]. В конце 20-х гг. открыто разворачиваются гонения на мусульманское духовенство. Закрываются мечети, медресе, школы арабского языка, производятся массовые аресты мулл и эфендиев.

Изменение общественно-политической и социально-экономической обстановки в советском государстве отразилось не только на положении мусульманского духовенства, но и на национальной интеллигенции в целом. В условиях решительной борьбы с капиталистическими элементами форсированного строительства социализма советская власть стремилась установить тотальный контроль за всеми сферами общественной жизни. Интеллигенция как никогда должна была оказывать «активную помощь в мероприятиях партии и советской власти» [11, с. 36]. Если раньше власти подходили к старой интеллигенции с двумя основными требованиями – чтобы она добросовестно вела свою работу и была лояльна к советской власти – то после XV съезда партии такая установка являлась уже недостаточной [11, с. 36]. Проверки ГПУ середины 20-х гг. продемонстрировали картину классового состава служащих, совершенно не отвечающую интересам социалистического строительства. В частности в Карачаево-Черкесской автономной области из 99 советских служащих и депутатов областного уровня 44 происходили из социально чуждых слоев общества, в Кабардино-Балкарской автономной области из 46 членов окружного и сельского исполкомов 22 в прошлом были представителями привилегированных сословий [6, л. 4].

Общая партийная установка, направленная на вытеснение старой интеллигенции из всех сфер общественной жизни с энтузиазмом стала исполняться на Северном Кавказе. В ноябре 1928 г. президиум Северокавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б) принял постановление об организации проверки работников советских учреждений и освобождении от работы в органах власти классово чуждых элементов [12, с. 142].

Следует отметить, что политика вытеснения старой национальной интеллигенции была обусловлена не только необходимостью очистить аппарат от классово чуждых элементов, но и стремлением новой власти интернационализировать все сферы общественной и духовной жизни советских народов. Политика большевиков в области культуры в целом характеризовалась выраженным стремлением к унификаторству. X съезд РКП(б) среди основных задач коммунистической партии заявил: «...помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию» [13, с. 366]. Стоит отметить, что еще до прихода большевиков к власти И. В. Сталин сформулировал свое отношение к перспективам развития «примитивной» культуры малочисленных народов Кавказа. Запоздалые в своем развитии нации и народы неизбежно «должны были быть вовлечены в общее русло высшей культуры» [14, с. 351] (под последней понималась культура центральной России).

И. В. Сталин, чья позиция определила государственную политику в этом вопросе, связывал развитие национальных культур с двумя основными категориями – формой и содержанием. Содержание национальных культур наполнялось пролетарским, интернациональным, социалистическим содержанием. Национальной оставалась лишь форма [15, с. 98]. Отсюда и возник лозунг культурной революции: «Создание национальной культуры национальной по форме, социалистической по содержанию». В качестве формы национальной культуры выступали национальная письменность, печать, обучение и делопроизводство на родном языке, которые власть изначально рассматривала как каналы массовой коммуникации для пропаганды своей идеологии. Все остальные содержательные элементы национальной культуры воспринимались как патриархально-феодалские пережитки, в отношении которых должна была вестись решитель-

ная и непримиримая борьба под руководством большевистской партии [13, с. 367].

Представители национальной интеллигенции, задействованной в работе советских и партийных органов, предпринимали попытки противостоять унификационной политике центральных органов власти. Они пытались убедить власть в необходимости осуществления социалистических преобразований исходя из учета национальной специфики народов. В ответ власти упрекали «коммунистов-туземцев» в том, что те «преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с так называемыми общенациональными интересами той же нации» [13, с. 369]. Это обстоятельство, по мнению властей, вело к уклону от коммунизма в сторону буржуазно-демократического национализма, принимавшего иногда форму панисламизма [13, с. 369].

В результате национальная интеллигенция была обвинена в подмене классового принципа национальным [13, с. 369]. Типичными в адрес национальной интеллигенции стали упреки в том, что она сбилась «с классово верного пути», не могла противостоять буржуазно-националистическим отрывкам в ней самой [16].

С конца 20-х гг. на Северном Кавказе активно начинает реализовываться партийная установка о необходимости борьбы с вредным для дела коммунизма националистическим уклоном. Подавляющее большинство представителей старой интеллигенции были подвергнуты репрессиям как «приспешники» буржуазных националистов и национал-уклонисты. Среди представителей старой интеллигенции подвергнутых репрессии были активные сторонники советской власти, принимавшие участие в ее оформлении на Северном Кавказе. Таким образом, советская власть ликвидировала саму возможность генерирования альтернативных официальной идеологии и партийным установкам идей и взглядов на преобразование адыгского общества.

Анализ практики привлечения интеллигенции на сторону советской власти позволяет говорить о том, что она реализовывалась в достаточно трудных для новой власти условиях, связанных как с ментальными особенностями адыгской интеллигенции, так и с различиями целей сотрудничества. Если советская власть стремилась использовать национальную интеллигенцию в качестве непосредственного проводника новых ценностей и идей в горской среде, то адыгская интеллигенция, помимо естественного стремления социально адаптироваться к новым общественно-политическим условиям существования, желала использовать союз с властью в целях обустройства своей национальной жизни.

Привлечение старой интеллигенции к осуществлению социалистических преобразований для советской власти осложнялось также преобладанием в ее составе мусульманского духовенства, являвшегося в силу исторических обстоятельств наиболее влиятельной частью национальной интеллигенции. Это поставило новую власть в первые годы существования перед необходимостью поиска компромиссов и уступок в отношении духовной интеллигенции.

В конце 20-х гг., реализуя общую партийную установку в отношении интеллигенции, власти переходят от тактики толерантного отношения к старой национальной интеллигенции к ее практически насильственному вытеснению из всех сфер общественной жизни. Это приводило к значительному снижению уровня интеллектуальной среды, утрате духовных традиций и нарушению преемственности между «старым» и «новым» поколением национальной интеллигенции.

Ссылки:

1. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

2. Султан-Галиев М. *Избранные труды*. Казань. 1998.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1954.
4. ГУНАРА Ф.р-8. оп.1. Д.11. Л. 3.
5. *Революция и горец*. 1929. № 4(6).
6. РГАСПИ. Ф. 17. оп.84. Д. 537. Л. 2,3.
7. ЦДНИ КБР. Ф. 1. оп. 1 Д. 1. Л. 2–3.
8. РГАСПИ. Ф. 62. оп. 2, Д. 1145. Л. 33.
9. Диманштейн С. *Антирелигиозная работа на Востоке. Революция и культура*. 1929. № 9–10.
10. Напсо Д. А. *Под знаменем интернационализма (Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по интернациональному воспитанию трудящихся в годы социалистического строительства. 1017–1937 гг.)*. Минеральные Воды, 1967.
11. Мещеряков В. *Проблема сельской интеллигенции // Революция и культура*. 1928. № 23–24. С. 35–41.
12. Бекижев М. *Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917–1941 гг.)*. Черкесск, 1978.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т.2. 1917–1922.
14. Сталин И. В. *Сочинения*. Т. 2.
15. Мамсиров Х. Б. *Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века*. Нальчик, 2004.
16. *Адыгейская Советская поэзия. Доклад на первом съезде писателей и ашугов Адыгеи*. Архив АРИГИ.